

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СВЕТЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В работах отечественных и зарубежных исследователей рассматриваются различные аспекты, связанные с фразеологией. Примечательно, что при изучении ФЕ в контексте категории интенсивности интересы современных ученых, чаще всего, ограничиваются выделением фразеологических *интенсификаторов* и *интенсификатов*, а также изучением тех структурно-семантических преобразований ФЕ, которые увеличивают её экспрессивность. Иногда в поле зрения авторов оказываются и проблемы синтаксической идиоматики. Что касается изучения функционально-прагматического аспекта ФЕ, то здесь стоит выделить работы тех исследователей, в основу которых положен принцип антропоцентризма. При антропологическом подходе главным обстоятельством, определяющим развитие, функционирование и характер ФЕ, становится человеческий фактор, в связи с чем фразеологизмы исследуются, как правило, с двух точек зрения: с позиции моделирования их оценочной семантики, передающей разностороннюю оценку человека, его внешних и внутренних качеств, а также по их роли и назначению в вербальной деятельности человека. Таким образом, при определении функционально-прагматического аспекта ФЕ за точку отсчета принимается человек и его речь.

Рассматривая ФЕ как стратегическое средство, способствующее реализации речевой стратегии усиленного воздействия на участников коммуникации и как отличительную характеристику эмоциональной языковой личности, следует признать, что в свете подобного подхода особый интерес будут вызывать *усилительные фразеологизмы*, ярко представляющие категорию интенсивности. Среди них, в свою очередь, выделяются компаративные фразеологические единицы, которые по своему семантическому содержанию могут быть условно разбиты на несколько групп, например:

1. структуры, в которых основанием для сравнения служат физические свойства неодушевленных предметов: *fuerte como un roble*;
2. фразеологизмы, основанные на сравнении с природными явлениями: *llover a cantaros*;
3. компаративные образования, включающие названия представителей фауны, когда основанием для сравнения служат типичные черты, повадки, доминирующие физические качества: *rápido como un abanto*.

Указанные ФЕ, по нашему мнению, не только усиливают степень проявленности признака, но и в определенной мере конкретизируют сам признак, делая его более рельефным и осязаемым, правда, в соответствии с восприятием адресанта. Данное положение вполне соотносится с позицией многих исследователей. Так, А.Ф. Артемова считает, что ФЕ актуализирует не столько действие (в нашем случае – *признак*), сколько его высокую степень, и не столько реальное действие, сколько представление об этом действии (Артемова 1991). В понимании А.В. Федорюк, фразеологизмы перемещают смысл из мира наблюдения и указания в мир воображения и переживания. Обладая ярко выраженной прагматической предназначенностью, ФЕ апеллируют скорее к эмоциональной сфере психики человека и через нее к осознанию происходящего путем интенционального переживания. Образование значения усилительных ФЕ в его типовом проявлении можно представить как такой процесс метафоризации, который синтезирует в себе выводное знание о денотате (вытекающее из знаний о свойствах обозначаемого) и ценностную его квалификацию (которая представляет собой погруженное в контекст мнения оценочное суждение о свойствах обозначаемого). Усилительные ФЕ, по мнению автора, не

приспособлены к функции обозначения объектов из мира «Действительное», поэтому их денотация диффузна. Они не изображают мир, а указывают на него только для того, чтобы «приписать» признак обозначаемому. Вследствие этого указанные ФЕ обладают функцией предикации. Их приспособленность к функции предикации обусловлена также наличием в их смысловой структуре оценочной и эмотивной модальности, которые «нагружают» ФЕ прагматически, что находит выражение в их экспрессивности (Федорюк 2001). Ср.: 1. ...*con nuestros remiendos y nuestras armas gastadas, nuestras pústulas, nuestras enfermedades y nuestra miseria, no éramos sino la carne de cañon...* (Pérez-Reverte); 2. *Hijos míos..., tened un poco paciencia; éstos son los gajes del oficio; pensad que si las casas no se cayesen nunca, habría una terrible crisis de trabajo!* (Flórez)

При перенесении в иную языковую среду сохранить информацию об эмоционально-оценочном восприятии действительности субъектом речи, а также степень экспрессивности, заложенную в исходной ФЕ, довольно трудно. Однако в тех случаях, когда в языке-источнике и в языке перевода мы имеем полное или частичное соответствие, это вполне возможно: полное соответствие, например: *torpe como (un) asno* – глуп как осёл, *sucio como un lechón* – грязный как поросёнок, *la parte de león* – львиная доля, или частичное соответствие, например: *más valiente que un león* – храбрый как лев; *dulce como el acitrón* – сладкий как мёд, *tonto del bote* – глуп как пробка, *sordo como un poste* – глухой как пень, *no es tan fiero el león como lo pintan* – не так страшен чёрт, как его малюют.

По мнению И.И. Туранского, «усилительные фразеологизмы, как свидетельствует сам термин, являются весьма распространенным средством интенсификации высказывания и наряду с другими средствами занимают свое определенное место в общей системе форм, способов и репрезентации категории интенсивности» (Туранский 1990: 145).

Что же касается высокого прагматического потенциала ФЕ, то современные авторы связывают его, в первую очередь, с их образностью и с тем, что «...в семантической структуре ФЕ преобладает, как правило, коннотация» (Алефиренко, Золотых 2000: 167). При этом в лингвистической литературе высказываются различные мнения о соотношении денотативных и коннотативных сем в значениях ФЕ. Так, В.М. Мокиенко полагает, что «...у фразеологизма номинативное растворено в экспрессивном, подчинено ему. Эти две стороны языкового знака во фразеологизме синкретичны, тогда как в лексике (особенно неэкспрессивной) – дифференцированы, разъединены» (Мокиенко 1989: 211). Согласно нашей точке зрения, вопрос о том, какой макрокомпонент преобладает в семантике ФЕ, следует рассматривать на конкретном языковом материале.

Отдельного внимания заслуживают компаративные ФЕ, обладающие национальной спецификой и отражающие тем самым культурно-национальную ментальность носителей языка. Подобные фразеологизмы, как правило, интенсифицируют признак, конкретизируют его, одновременно оценивая и передавая его восприятие субъектом речи, например: *más feo que el sargento de Urtera* – ни кожи, ни рожи, *es más fresco que una lechuga* – наглый до предела, *como la tripa de Jorge* – словно резиновый, *como pedrada en ojo de boticario* – как нельзя более кстати (= очень уместный).

Данные языковые единицы относятся к области пересечения функционально-семантических полей интенсивности атрибутивного признака и оценки, что и определяет специфику их прагматической константы. Следует отметить, что при трансформации их национально-культурное своеобразие исчезает, приводя к утрате определенных стилистических характеристик и снижая степень экспрессивности признака.

Рассмотрение особенностей прагматической составляющей ФЕ доказывает, что они, передавая информацию об эмоционально-оценочном восприятии действительности субъектом речи, предназначены для усиленной передачи интенциональности коммуникантов, т.е. могут передавать различные эмоционально-окрашенные

коммуникативные намерения говорящего. При этом интенсифицирующее значение ФЕ, по мнению многих исследователей, образуется в результате когнитивных трансформаций в таких структурах, как фреймы и прототипы.

Фреймы, в понимании авторов теории концептуального моделирования актуального значения идиом (Баранова А.Н., Добровольского Д.О.), являются концептуальными структурами с декларативно и процедурно ориентированными знаниями. Примечательно, что в основе указанной теории лежит положение о том, что любой ФЕ соответствует своя абстрактная концептуальная структура – фрейм. Формирование значения ФЕ объясняется учеными в контексте целого комплекса преобразований в концептуальных структурах, а не переносом характеристик от одного денотата к другому и не производностью одних значений от других.

Особый интерес в рамках нашей работы представляет изучение семантики ФЕ с позиции прототипа, т.к. его значение чаще всего просматривается сквозь семантику фразеологизма, несмотря на ту высокую степень абстракции, которая свойственна большинству тех единиц, что относятся к средствам выражения категории интенсивности атрибутивного признака. Ср.: *como (el) un diablo* – ужасно, чертовски, очень, слишком; *como un madero (hecho un madero)* – как бревно, как убитый, болван, дубина, туп как пень; *hecho un loco* – вне себя (от бешенства, отчаяния и т.д.), ужасный голод – *un hambre canina*, etc.

Очевидно, что большую роль в образовании подобных ФЕ играет метафорическое переосмысление прототипа, поэтому в их значении выделяется не только сема интенсивности, но и лежащий в основе того или иного фразеологизма прототип. При этом следует отметить, что под прототипами ФЕ понимаются «не только языковые единицы или переменные сочетания слов, но и различного рода ассоциативные отношения, т.е. фонд общих знаний, связанных с историческими традициями, фактами, реалиями, религиозными верованиями и их атрибутами» (Кунин 1996: 51).

Главным свойством движения от прототипа к имплицированному им новому смыслу (или смыслам), как полагает Е.Ю. Куницына, является наличие иррационального момента (основного параметра внутренней формы), который вполне сопоставим с переходом от одного уровня познания к другому (Куницына 1998). Внутренняя форма, в свою очередь, представляет собой такое сигнификативное содержание переосмысливаемой языковой единицы, которое имеет непосредственное отношение к гносеологическому образу познаваемого и именуемого объекта (Телия 1977).

Основу внутренней формы ФЕ, по мнению многих авторов, составляет деривационная связь значения ФЕ со значением прототипа, так что внутренняя форма усилительных ФЕ предстает посредником между новым значением интенсивности и соотносительностью с действительностью через предметно-логическое значение свободного сочетания слов. Что касается интенсифицирующего значения фразеологизмов, то оно признается следствием процесса метафоризации, который тесно связан с ощущением подобия / сходства создающегося типового образа реалии с некоторым в чем-то сходным с ней «конкретным», образно-ассоциативным представлением о другой реалии, о ее прототипе. При этом метафора призвана осознавать различные аспекты одних понятий в терминах других, а также выявлять и создавать сходство между двумя несходными явлениями на основе их имплицитного / эксплицитного сравнения. С допущения о подобии и сходстве и начинается то движение мысли, которое, выстраивая их в аналогию, затем уже синтезирует новое понятие, получающее на основе метафоры форму интенсифицирующего значения (Кунин 1996; Телия 1996; Федорюк 2001).

Таким образом, перед реципиентом стоит задача осмыслить ту или иную метафорическую единицу, отдав предпочтение одному из тех потенциальных значений, которые могут быть реализованы в рамках соответствующей метафорической предикации. Как следует из результатов анализа фактологического материала, большую роль в этом

случае играет правильное понимание коммуникативной ситуации и контекста, которые помогают ограничить количество возможных смыслов ФЕ до минимума. В плане отражения субъективных чувств и оценок говорящего в речевом акте, содержащем фразеологизмы, можно утверждать, что оно достигается за счет субъективации эмоциональной фразеологической оценки и личностной интерпретации конкретной действительности сквозь призму фразеологического образа.

Высокая частотность употребления усилительных ФЕ наблюдается в романе М. Делибеса «*Cinco horas con Mario*». Данное обстоятельство, во-первых, объясняется формой произведения, которое представляет собой монолог героини, а во-вторых, подтверждает тот факт, что фразеологизмы характерны прежде всего для разговорной речи, где ФЕ способны не только усиливать экспрессивность высказывания, но и служить индикатором прагматической установки адресанта. Неслучайно, анализируя дискурсивные дистрибуции фразеологических интенсификаторов в современном английском языке (ФЕ типа *as the devil, like a shot, like crazy, like a house afire, like one o'clock* и т.п.), А.В. Федорюк приходит к выводу о том, что, если в системно-языковом описании указанные единицы чаще всего представлены как знаки вторичной предикации, то в дискурсе они ведут себя как знаки иллокуции, т.е. указывают на то, как именно должна пониматься пропозиция в высказывании. В этом свойстве, по мнению исследователя, заключается их знаковая специфика.

Согласно проведенному нами анализу, а также наблюдениям других исследователей, оптимизация речевых стратегий и усиление экспрессивности атрибутивного признака ярче всего проявляются при использовании ФЕ, содержащих явное (эксплицитное) сравнение. При этом высокая степень проявленности признака реализуется как с помощью сравнения, так и при гиперболизации признака. В последнем случае, как правило, присутствует указание на следствие, к которому приводит такая высокая интенсификация признака / качества, например: 1. *Ты свободен как воздух, ты ничем не связан, знай это, знай!* – *Eres libre como el aire; nada, nada te liga conmigo, sábelo bien* (Тургенев); 2. *Esperad, que tan buen pan hacen aquí como en Francia.* – *Подождите, и у нас не хуже хлеб пекут, чем в других местах.* (Galdós); 3. *Los bultos, con los ojos ya más sosegados, iban marchando pero aun quedaban algunos aferrados al ataúd como las moscas al papel matamoscas.* – *Призраки с уже спокойными глазами все уходили, но некоторые так и приклеились к гробу, точно мухи липучие* (Delibes).

В первом случае мы видим полное соответствие ФЕ, употребленных в источнике и в переводе. Во втором – частичное, а в третьем при совпадении отдельных компонентов мы имеем дело с совершенно разными по смыслу фразеологизмами, что привело к искажению прагматической установки автора. М. Делибес пишет о том, что люди оставались притянутыми к гробу, как мухи к липкой бумаге (*al papel matamoscas*), не в силах оторваться (указание на следствие, к которому приводит необычная степень проявленности признака). Русская ФЕ *мухи липучие* имеет прямо противоположное значение и соответствует таким испанским фразеологизмам, как *como las moscas en verano, más pegajoso (pesado) que las moscas, como moscas a la miel* и т.п.

Интересно, что и в испанском, и в русском языке встречаются такие ФЕ, в которых «образный смысл опирается как на логико-предметное содержание устойчивого сравнения, так и на прямое значение других компонентов сравнительной формулы» (Лебедева 1999: 32), например: *más valiente que un león, como moscas a la miel, dulce como el acitrón* или *храбрый как лев, как пчелы (мухи) на мед, сладкий как мёд* и т.п.

В следующих примерах мы имеем дело с другими способами передачи прагматического потенциала подобных ФЕ: 1. *Lucas de mi alma, más feo que el bu, con más talento que todos los hombres, más bueno que el pan, y más querido ... – ... а ты мой дорогой Лукас, настоящее пугало, но лучше и умнее тебя никого на свете нет ...* (Alarcón); 2.

Caballerito, doy a usted las gracias por haberme advertido los ruines propósitos de esos palurdos más malos que Caco. – Молодой человек, я чрезвычайно признателен вам за ваше предостережение относительно опасных намерений этих негодяев, которые, очевидно, **сущие черти**. (Galdós); 3. *El tío Lucas era más feo que Picio.* – Дядюшка Лукас был **на редкость уродлив** (Alarcón).

В первом и втором примерах в ПТ использованы ФЕ со скрытым (имплицитным) сравнением, что позволяет ослабить прагматический эффект минимально. А вот применение вместо ФЕ прилагательного в сравнительной степени (*лучше*) или лексической синтагмы, состоящей из усилителя и прилагательного-интенсификата (*на редкость уродлив*) – 1 и 3 примеры – приводит к потере образности, а значит, и к уменьшению степени речевого воздействия на реципиента.

Фразеологизмы, содержащие в своем составе имплицитное сравнение, усиливают интенсивность признака в меньшей мере, чем компаративные ФЕ: 1. ... *да ведь это меч обоюдоострый* – *pero es una espada de dos filos* (Тургенев); 2. *Это золотое сердце, истинно ангельская душа* – *Es un corazón de oro, un alma angelical* (Тургенев); 3. *У, por favor, no te vengas con ... cuentos chinos ...* – *И, пожалуйста, ... не рассказывай ты мне сказок* (Delibes).

В двух из трех приведенных примеров степень экспрессивности и прагматический потенциал языковых единиц сохраняются за счет полного соответствия ФЕ, используемых в ИТ и ПТ. В последнем примере не происходит адекватного восприятия источника и перевода на прагматическом уровне в связи с появлением в ПТ вместо фразеологизма существительного-интенсификата.

Следующие ФЕ усиливают атрибутивный признак, не обращаясь к сравнению: 1. *Un ave de mal agüero* – **Зловещая птица** (Alarcón); 2. ...*папочка, это крест на всю жизнь* – ...*paraito era una cruz que tenía para toda la vida*. (Маканин); 3. *Pero el bueno de Timoteo era de los del puño en rostro...* **Милейший Тимотео был из породы жадюг** ... (Delibes).

Степень интенсивности в данных переводах не претерпела изменений. В первых двух случаях в испанской и русской версиях функционируют ФЕ, имеющие полное соответствие, а в последнем используется нестереотипное существительное-интенсификат с ярко выраженным внутренним интенсивом.

Во многих приведенных выше примерах для интенсификации признака и создания эффекта экспрессивности авторы использовали образность, основанную на сравнении. Под образностью в данном случае нами понимается «свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом ее выражения» (Блинова 1997: 4). Способность механизмов метафоры сопоставлять на основе подобия и сходства, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает продуктивность метафоры как средства создания значения интенсивности (Федорюк 2001). Кроме того, метафора, будучи одной из когнитивных моделей познания (данной точки зрения придерживаются многие исследователи, среди них такие, как Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Х. Ортега-и-Гассет, П.Б. Паршин и др.), способна отражать особенности культурно-национальной ментальности и таким образом специфику национальной концептосферы: 1. *Григорий Литвинов, рубаика-парень, русская душа ... Gregorio Litvínof, un verdadero ruso y buen muchacho* ..(Тургенев); 2. *Me gustaría veros con una mujer... un poco ligera de cascos ...* ... *хотела бы я, чтобы вам попалась легкомысленная женщина* ... (Delibes); 3. *El como muy desaseado, muy a la pata la llana ...* **Он был очень неряшлив, совсем простецкого вида** ... (Delibes); 4. ... *di, pedazo de holgazán ...* ... **скажи мне, лентяй ты такой** ... (Delibes).

Во всех этих примерах в процессе перевода вместо ФЕ использовались другие средства усиления степени интенсивности признака, в частности прилагательные-интенсификаты, что ослабило эффект воздействия высказываний на реципиента. Следует отметить высокую частотность реализации в разговорной речи испанских фразеологизмов с

компонентом *pedazo*, имеющих структуру типа: *pedazo de barbaro, pedazo de alcornoque, etc.* Отдельного внимания заслуживает следующий пример, в котором мы встречаем (в ПТ) еще один структурный тип ФЕ, где в качестве одного из компонентов выступает лексема *hombre*: *Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, каменный ты человек! – ¡Pero dinos algo por vía de despedida, hombre de pedernal!* (Тургенев)

Представляя собой реализацию одной из наиболее частотных структур испанских ФЕ, передающих эмоционально-оценочную характеристику человека, выражение *hombre de pedernal* вызывает к себе интерес с разных точек зрения. Во-первых, это сам образ, лежащий в основе испанской и русской ФЕ, а также соответствие тех ассоциаций, которые связаны с ним в той и другой метафорической картине мира. Что касается русских ФЕ типа «каменный человек», «каменное сердце», то они, как правило, говорят о *безжалостном, жестоком или бесчувственном* человеке, который *не испытывает* никаких чувств и эмоций или *не проявляет* их. Ср.: каменный ...2. перен. Безжизненный, застывший. Каменное выражение лица. 3. перен. Безжалостный, жестокий. Каменное сердце (Ожегов 1999: 262).

Именно неспособность испытывать чувства и проявлять свои эмоции пытаются поставить в вину Литвинову приятели, уговаривая его остаться. Для понимания коммуникативной ситуации достаточно обратиться к роману:

Литвинов рассердился бы, если б не то мертвое бремя, которое лежало у него на сердце. Он глянул на Биндасова и отвернулся молча...

... – Да бросьте его, бросьте его, Ростислав Ардалионыч, – вмешалась Суханчикова, – бросьте! Вы видите, что он за человек; и весь его род такой. ... еду я с ней (теткой Литвинова), стала ее расспрашивать... Поверите ли, слова от горячки не добилась...

... – Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, каменный ты человек! – закричал Бамбаев. – Этак ведь нельзя!

Для того чтобы понять те ассоциации, которые могут возникнуть у читателей в связи с актуализацией в речи испанской ФЕ «*hombre de pedernal*», следует, в первую очередь, рассмотреть семантику слова «*pedernal*», т.к. метафорический образ ФЕ тесно связан с семантической двуплановостью данной лексемы: 1) кремень; кремнёвая галька 2) желвак (в пласте); включение (породы в пласте) 3) *стойкость, непреклонность, несгибаемость; duro como un pedernal - твёрдый как кремень* (Lingvo 12).

В других словарях мы также находим такие значения, как *кремень, крепость, твердость*, ср.: (Moliner 2004: 613; Martínez Calvo 1975: 1418). Несмотря на это М. Молинер приводит также следующую иллюстрацию реализации фигурального значения слова «*pedernal*»: *Tiene un corazón como el pedernal*, объясняя его через понятие «*miu duro*» (Moliner 2004: 613). Ср.: *duro de corazón, de corazón duro* – жесткий, черствый, бессердечный, бездушный» (Испанско-русский фразеологический словарь 1985: 178).

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что, будучи трансформированной ФЕ, переводческое «*hombre de pedernal*» воспринимается, скорее, как суждение о стойком, несгибаемом человеке (ср.: «Этот человек – кремень»), а не как о человеке, который не привык проявлять свои эмоции. Такому пониманию данного выражения способствует и та ситуация, которая имела место несколько ранее, когда Бамбаев восторженно произнес, увидев Литвинова: *Видите этого человека? Это камень! Это скала!! Это гранит!!! – ¿Veis aquel hombre? ¡Es una piedra! ¡una roca incommovible!... Es de granito.*

При проведении анализа мы исходили из положения о том, что «некоторые слова создают своей семантикой некое "поле притяжения", или сильную ассоциативную связь», которая отражает соотношение реалий окружающего мира. Например: «идти – нога», «слушать – ухо» и т.п. (Моисеенко 1996: 136–137). Таким образом, использование одного из компонентов словосочетания с сильной ассоциативной связью приводит к неосознанному,

автоматическому, воспроизведению в сознании человека другого его компонента или тех характеристик, которые в нем закреплены.

Однако выражение «*hombre de pedernal*» привлекает к себе внимание не только своей семантической двуплановостью. Как уже упоминалось, мы имеем дело с преобразованной фразеологической единицей. Правда, учитывая распространенность данного структурного типа, трудно определить от какой именно ФЕ отталкивался автор перевода, заменяя образный компонент. Это может быть и «*hombre de barba*», и «*hombre de buenas (malas) entrañas*», etc.

Семантические и структурно-семантические приемы, которые используются в целях преобразования фразеологизмов для увеличения их экспрессивности и усиления прагматического эффекта высказывания рассматриваются во многих работах, посвященных изучению фразеологической системы в различных языках. Чаще всего исследователи относят к таким приемам следующие трансформации ФЕ: замену компонентов; распространение и сокращение компонентного состава; дистантное расположение компонентов, опущение части фразеологизма, двойную актуализацию и др. Как правило, подобные действия не только не нарушают целостность ФЕ, но и способствуют усилению ее прагматических характеристик. Тем не менее трудно не согласиться с заключением Н.П. Гераскиной о том, что структурные преобразования ФЕ вполне способны повлечь за собой изменение ее семантики, т.к. «вклинивающийся» компонент наряду с усилением выразительности фразеологизма становится одним из непосредственных составляющих его семантической структуры (Гераскина 1978: 105).

Согласно результатам проведенного исследования, испанские фразеологические единицы, являющиеся одним из средств выражения категории интенсивности атрибутивного признака, в процессе коммуникативной деятельности, по большей части, функционируют в нетрансформированном виде, реализуя свою прагматическую константу и таким образом воздействуя на реципиента. Что же касается встречающихся преобразованных ФЕ, то, по нашему наблюдению, различные типы трансформаций больше характерны для высокочастотных единиц, т.к., восстанавливая утраченную в определенной мере образность и увеличивая экспрессию фразеологизма, они приводят к увеличению его прагматического потенциала. Прекрасной иллюстрацией представленного положения является следующий пример, который ранее был рассмотрен нами с позиций переводческой эквивалентности и прагматической идентичности: *Los bultos, con los ojos ya más sosegados, iban marchando pero aun quedaban algunos aferrados al ataúd como las moscas al papel matamoscas* (Delibes).

Вместо ФЕ «*pegarse como las moscas*» М. Делибес использует в романе «*Cinco horas con Mario*» структуру «*quedar (algunos) aferrados (al ataúd) como las moscas al papel matamoscas*». Таким образом, здесь имеет место и (1) замена компонентов (*pegarse - quedar aferrados*), и (2) распространение компонентного состава (*al papel matamoscas*), и (3) их дистантное расположение (ФЕ разорвана лексемами «*algunos*» и «*ataúd*»). Рассмотрим механизм интенсификации прагматического потенциала ФЕ с помощью указанных трансформаций на примере данного конкретного случая.

(1) **Замена компонентов** (*pegarse - quedar aferrados*) позволяет автору:

1. при помощи *participio pasivo* глагола *aferrar* ввести в значение ФЕ сему «*быть крепко схваченным, ухваченным*»;
2. используя перифрастическую конструкцию *quedar + participio pasivo* указанного глагола, добиться появления в значении ФЕ оттенка «*в итоге, в конечном счете*» и усилить коннотацию «*быть крепко схваченным где-то против своей воли*».

(2) **Распространение компонентного состава** (*al papel matamoscas*) способствует:

1. дальнейшей интенсификации семы «*против своей воли*»;
2. восстановлению уже несколько «*стертого*» метафорического образа и тем самым усилению выразительности ФЕ, т.к. происходит опора на логико-предметное (можно даже

сказать «опредмеченное», «материализованное») содержание сравнения и на прямое значение других компонентов ФЕ.

По мнению некоторых исследователей (А.В. Федорюк и др.), статутные характеристики усилительных ФЕ располагают именно к такого рода вклиниваниям, семантически согласующимся с прототипом. Таким образом, есть серьезные основания полагать, что функционально-прагматическая доминанта указанных языковых единиц заключается в их назначении как средство иллюкутивной семантики.

(3) **Дистантное расположение компонентов**, отделенных друг от друга двумя «врезавшимися» в структуру ФЕ лексемами («*algunos*» и «*ataúd*»):

1. интенсифицирует материализацию образного компонента, лежащего в основе фразеологизма, и увеличивает степень экспрессивности всего высказывания;

2. актуализирует значение языковой единицы в данной коммуникативной ситуации и способствует появлению новых контекстуальных смыслов (например, о притягательности тайны смерти, фатальности бытия и т.п.).

Подводя итог проведенному анализу, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на разнообразие типов ФЕ, используемых в качестве средства интенсификации атрибутивного признака/качества, механизм усиления их прагматического потенциала при помощи различных структурных преобразований, как правило, действует в рамках представленных выше направлений: реанимация (или замена) метафорического образа, внесение новых коннотаций, усиление степени экспрессивности ФЕ и ее актуализация в заданном контексте (коммуникативной ситуации).

Интересно, что при исследовании прагматического потенциала ФЕ и их значения, А.Ф. Артемова приходит к выводу о том, что *интенсивность ФЕ*, как средства воздействия на реципиента, определяется не любой количественной квалификацией явления, а связана только с той, которая демонстрирует отклонение от нормы (Артемова 1991). В свете данного положения примечательны случаи появления ФЕ в тексте перевода при их отсутствии в оригинале. Как правило, при этом значительно увеличиваются степень выраженности признака и прагматический эффект высказывания. Ср.: 1. *...señoras-señoras como mamá van quedando cada día menos... – ... таких сеньор до мозга костей*, какой была мама, с каждым днем становится все меньше ... (Delibes); 2. *... он же ничего не обдумывал, был нуцн и полумертв. ... de hecho, sin embargo, no meditaba en nada, estaba semivivo y con la mente en blanco* (Маканин).

Как мы видим, потенциальная образность фразеологизма, отвечая элементарной потребности разнообразить речь, средствами самой номинации придает ей экспрессивно-оценочную направленность, отражая субъективные чувства и оценки адресанта, одновременно оптимизируя его речевую стратегию путем наращивания совокупной иллюкутивной силы высказывания. Представляется интересным тот факт, что наиболее эффективно свой прагматический потенциал реализуют те фразеологические единицы, которые содержат явное (эксплицитное) сравнение. При использовании в тексте перевода вместо ФЕ других средств интенсификации, как правило, не только снижается степень экспрессивности признака, но и ослабляется прагматический эффект высказывания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). Астрахань, 2000. С. 167.
2. Артемова А.Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 1991.
3. Баранов А.Н. Концептуальная модель значения идиом // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1991. С. 3–13.
4. Блинова О. И. Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 1997. С. 3–24.

5. Гераскина Н.П. Фразеологические конфигурации в парламентских выступлениях (на материале субстантивных фразеологических единиц в современном английском языке): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1978.
6. Испанско-русский фразеологический словарь. Diccionario fraseológico español-ruso / под ред. Левинтовой Э.И. М., 1985.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996.
8. Куницына Е.Ю. Историко-функциональный аспект шекспиризмов: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998.
9. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: КГУ, 1999.
10. Моисеенко Л.В. Сильная ассоциативная связь компонентов словосочетания в современном испанском языке // Актуальные проблемы иберо-романистики: межвузовский сборник. Вып. 5. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 136–146.
11. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1989.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999.
13. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
15. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке: монография. М.: Высшая школа, 1990.
16. Федорюк А.В. Функционально-прагматические аспекты фразеологических интенсификаторов в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2001.
17. Martínez Calvo. Diccionario español-ruso. Barcelona: Sopena, 1975.
18. Moliner M. Diccionario de Uso del Español. Madrid, Gredos, 2004, 2 vols.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маканин В.С. Предтеча. М., 1983.
Macanin V.S. El profeta. – Ediciones Alfaguara (пер. Л.Купер)
2. Тургенев И.С. Дым. М., 1973.
Turgenev I.S. Humo. – Madrid, 1971. (пер. Ф. Алтед Фонсека)
3. Alarcón P.A. El sombrero de tres picos. La Habana, 1975.
Аларкон П.А. Треугольная шляпа / пер. с исп. Томашевского. М., 1976.
4. Delibes M. Cinco horas con Mario. – Barcelona, 1992.
Делибес М. Пять часов с Марио / пер. с исп. Е. Любимовой. М., 1975.
5. Galdós V.P. Doña Perfecta. – La Habana: Editorial Pueblo y Educación, 1974.
Гальдос В.П. Донья Перфекта / пер. с исп. С. Вафа, А. Старостина. М., 1976.
6. Flórez W.F. Las gafas del diablo. – Madrid: General de Ediciones. 1970.
7. Pérez-Reverte A. El Sol de Breda. – Madrid: Punto de Lectura. 2008.